

Ирина Борагова

ГРУЗ

детства

16+

Ирина Борадзова

Груз детства

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69981136
SelfPub; 2024*

Аннотация

В недавнем прошлом Ирина переехала в Санкт-Петербург. Но неожиданный звонок незнакомца меняет ее размеренную жизнь кардинально. Неизвестный напоминает: когда-то на глазах девушки кровожадно убили человека. Сильная и независимая героиня беспомощна и слаба перед ужасными воспоминаниями и несёт их психологу. Незнакомец продолжает звонить и требовать невозможного... Все происходящее похоже на бред или сон, и вскоре Ирина становится пациентом психушки. В терапии выясняется: кровожадное убийство – пустяк на фоне страшного детства героини. Книга основана на реальных событиях. Пунктуация и орфография автора сохранены. Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Содержание

Предисловие.	4
Глава 1. Осень.	7
Выходной.	7
Сюрприз номер один.	17
«Дыши».	27
Флешбэк №3.	35
Глава 2. Фрустрация.	43
Ариель.	43
Надежда.	47
Грабеж.	51
Глава 3. Глупый маленький мышонок.	54
«Родничок»	54
Придурок.	59
Первый учитель.	64
«Ты меня любишь!».	68
Снегопад.	72
Розовое пятно.	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ирина Борадзова

Груз детства

Предисловие.

Книга родилась из личной психотерапии и является для меня одним из шагов к исцелению. Писать я начала, чтобы нивелировать значимость прошлого. Эта книга – результат работы над ошибками.

Неблагополучное детство я планировала включить в мемуары на закате жизни. Но будучи на пороге своих тридцати двух лет, я получила неожиданный звонок с напоминанием, о конечности жизни и внезапной смертности.

Когда-то мне удалось выжить в чрезвычайной ситуации. С мучительными воспоминаниями, о трагедии, я пришла к специалистам и была вынуждена снова обратить внимание на свое детство.

Психотерапия мне давалась и даётся тяжело. Вместо себя – некогда жизнерадостного, но слегка тревожного человека с чувством юмора, целями и мечтами – я обнаружила сгусток травм, коими жизнь меня щедро одарила. Уподобляясь классикам, что использовали страдания в качестве топлива для своего творчества, я взглянула и на свои травмы, как на капитал.

Фундамент всей будущей жизни закладывается в детстве. Идеальный стабильный фундамент состоит из доверия, базового принятия, предсказуемости, спокойствия, надежности.

Из своей семьи я вышла щедро одаренной не полезными навыками для жизни и приданным, не родительским теплом и финансовой подушкой безопасности, а психотравмами. А вместо фундамента родители водрузили на мои плечи груз из смеси обломков заботы, внимания и огромных запасов «удобрения» ... Однако, будучи любознательной, я выяснила: переработанное, то есть высушенное «удобрение» – кизяк – хорошее топливо... Как и переработанные травмы.

И все же невысушенное тяжеленное вонючее «удобрение» из травм грузом давило на меня перманентно и сильно усложняло жизнь. Тащить этот груз, было сродни труду Сизифа. Этот груз причина того, что я, обладая малым весом, являюсь непомерно тяжёлой. Этот груз я – сверхмеры навьюченным верблюдом, всю жизнь носила тяжелейшей ношей. И этот груз мне мешал набрать высоту.

Книга о самом важном и самом опасном периоде в жизни каждого человека – детстве. Детство влияет на всю жизнь, и является ценным питательным ресурсом.

Книга о насилии. Его в моей жизни было так много, что грех не поделиться им в рассказе. Его в моей жизни было так много, что я сделала выводы.

Дети, униженные побоями и наказаниями, лишённые тепла и ласки формируют равнодушное и агрессивное обще-

ство, где «сильный слабого съест», «человек человеку волк» и «моя хата с краю»; где ироничная и циничная фраза из комедии: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» воспринимается буквально и как девиз... Не каждый, кто подвергся насилию, становится маньяком и злодеем, но скорее всего каждый злодей и маньяк был подвержен насилию.

Несправедливого наказанные дети, воспитанные побоями, вырастают в раздражительных и озлобленных взрослых с повышенным уровнем агрессии, склонностью к жестокости, насилию и аддикциям. Взрослые, выросшие на культе силы, редко умеет договариваться.

Проявление жестокости и насилия словно вшиты в культурный код. Легализация насилия происходит через безобидный маленький воспитательный шлепок по пятой точке, перерастающий со временем в «бьёт значит любит», а позже вовсе превращается в большую войну.

Дети, наученные примером родителей уважению себя и окружающих, пониманию границ своих и чужих, состраданию, способности брать и нести ответственность, могут сформировать иное общество: сильное и стабильное, надежное и безопасное.

Ребенок – не просто продолжение рода. Каждый ребенок – будущее общества, где родителям сегодняшних малышей предстоит состариться, а став немощными и слабыми, пожинать плоды воспитания своих детей.

Глава 1. Осень.

Выходной.

События одного чрезвычайно насыщенного дня проехали по мне асфальтоукладчиком. Машина разломала и раздробила каждую мою кость, и напоследок получившаяся безжизненная лепешка прошла мясорубку. Не знаю, что травмировало меня больше: внезапный обстрел, убийство человека на моих глазах, или допрос, после случившегося.

Пытаясь переварить произошедшее, я только хотела, как прежде, выкурить хотя бы одну сигарету. С заложенными ушами хорошенько затянуться почти невозможно. Пребывая в сильнейшем стрессе, я хуже соображала и не понимала абсолютно ничего... Особенно, что следователи – не защитники, а скорее – нападающие.

– Почему ты ответила, что ничего не видела? – возник вдруг мент у черного входа.

Милиционер кричал очень громко, что я поняла, заметив, как он покраснел и вены на его лбу и шее вздулись. Скукожившись от ужаса, я сидела в компании повара Егора у двери, на пластиковом ящике, что служил работникам кухни табуретом. Я была окутана густым липким туманом, и пыталась, как черепаха спрятаться глубоко в свое теле... Сообра-

жать и осознавать реальность было сложно.

“Почему я – что? Я ведь ничего не говорила. Или что-то ответила им, когда спускалась?”

– Ир, послушай! – подошла ко мне Верка незадолго до мента.

С началом внезапного обстрела, обычно неповоротливая Вера, резко запрыгнула в ресторан.

– Скажешь операм, что мы ничего не видели, ладно? – продолжала моя коллега – Так велел директор, нам не нужны проблемы. Слышишь? Камеры наблюдения все равно не работают, они не узнают, где мы были... Ира, ты слышишь меня?

Странно, но, как и всех остальных, я слышала Веру хуже обычного. Она шептала и во мне открылась способность читать по губам.

Во всей этой суете я думала об одном: “Меня здесь быть не должно. Это же мой выходной! Зачем? Зачем я согласилась?”

Оля, чья смена стояла в этот день, позвонила утром. Как никогда прежде, она целых полчаса настойчиво уговаривала меня выйти на работу вместо нее, а я полчаса держала оборону.

– Деньги лишними не бывают! Пойди, поработай. – подкинула во время моего напряженного разговора Залина.

«Чаевые» в этом ресторане были приличными, а я собирала средства на переезд. И овдовевшая сестра, пользуясь

привилегией жертвы, моим желанием быть хорошей, часто без спроса залезала в мой кошелек. По утрам, расплачиваясь в такси, я думала, что накануне недосчиталась своего «чая». В лучшем случае не хватало половины заработанной суммы, в худшем – я находила в своем кошельке несколько сторублевых купюр: на такси, кофе и сигареты. Бывало, днем сестра, невзначай по телефону, сознавалась, что взяла мои деньги на срочные расходы...

После коллеги позвонил администратор.

Еще полчаса они прессовали меня вдвоем. Угрозы штрафами и увольнением не действовали, как и попытки вызвать во мне жалость к единственному официанту на оживленной террасе... Это был мой первый выходной после нескольких подряд смен, и форма нуждалась в стирке. Я собиралась принять свежестроенную ванну, почитать книгу или посмотреть кино, а после хорошенько напиться. Но Оля все же уломала меня подменить ее, пообещав прыгнуть со мной с парашютом.

Устроившись работать в ресторан, я поделилась с новыми коллегами-собутыльницами, среди которых были давние подружки Ольга и Вера, своими планами на лето. Осуществление давней мечты – прыжок с парашютом – входило в летние планы. Олечка загорелась желанием прыгнуть со мной. В пьянках мы сдружились и стали намечать посещение аэроклуба, что откладывалось несколько раз, поскольку женатый мужик моей новой подружки был против ее затеи... Этот же

мужик выбирал Оле рабочие смены и заставлял ее носить в сорокоградусную жару целомудренную водолазку “американку”, вместо футболки с неглубоким декольте. Впоследствии Оля свое обещание все же сдержала.

Милиционер у черного входа продолжает орать. Егор вскочил со своего места и пошел на мента в гражданском:

– А ты чо тут разорался? Ты вообще кто такой?

Мент ему что-то тихо ответил и показал ксиву. Егор вернулся на *табурет* рядом со мной. Через несколько дней, когда все стихло, я зашла на кухню и смущенно благодарила повара за участие, и он, как всегда задорно, ответил: «Да я вообще подумал тогда, что это какой-то обнаглевший посетитель...».

Мент у черного входа стал орать тише. Отвечаю ему как сказала Вера:

– Меня там не было, я ничего не видела.

– Там камеры! – взбесился следователь и побагровел – Мы смотрели камеры! На них видно, что вы сидели напротив! Видно, как вы забегаете внутрь! Вы видели все! – кричит мент.

«Это не муляжи? – зажужжал в мыслях вопрос. – Не-ет. Не может быть... Какой позор!»

Все шесть лет, пока я работала официантом, я не просто пила, а пила регулярно и много. Во время работы или после. В некоторых местах лихо совмещала. Алкоголь помогал мне засыпать и высыпаться. В двадцать лет от ста или полутора

ста -грамм хорошего виски не бывает бодуна. Утром – кофе и я *огурец*.

Алкоголь избавлял от излишней агрессии, тревоги и расслаблял. Запару на работе сложно было выносить без допинга. Поэтому, каждый вечер, после первого «чая» в комодах на полках стояли три коктейля «виски-кола». Коктейли обновлялись минимум два раза. Над комодами висели, как казалось официантам, муляжи камер видеонаблюдения. Прячась от гостей, присев на корточки и вынимая соль-перец или салфетки из комода, я тут же тянула из трубочки свой коктейль.

Услышав от мента, что камеры— не бутафория, я испытала неведомый ранее невыносимый стыд. Представив, как за всем нашим цирком с пьянками в комодах следили те, у кого был доступ к видеонаблюдению, я подумала, что, наверное, было бы лучше обдристаться на людях.

Нас привезли в участок. Все мои мысли были об ушах. После самолёта заложенность проходит быстро. Обстрел произошёл больше часа назад, но дискомфорт все еще ощущим...

В небольшом белом кабинете меня посадили за большой и пустой лакированный темно-коричневый стол лицом к двери. Справа у стены спиной ко мне парень за печатной машинкой, перед ним у стены шкаф, напротив шкафа, у противоположной стены стол поменьше. Менты нежно и ласково сказали мне не волноваться. Они объяснили, что зададут

несколько обычных вопросов. Но мне не сказали, что вопросы будут одни и те же и задавать их будут снова и снова... В тот день эмпирически я выяснила, что допрос – пытка повторяющимися вопросами.

Два следователя сменяли друг друга, а цикл вопросов и ощущение собственной ничтожности оставались неизменными. Моё желание давать показания тому, что поспокойнее было проигнорировано. Курить не разрешали. Естественно, я очень скоро, пытаясь хоть как-то защититься, начала огрызаться и паясничать... Следователи не обращали внимание и на мое плохое самочувствие: словно в пустоту я повторяла снова и снова о своих заложенных ушах, о голоде и о том, что соображаю хуже обычного.

Прежде чем привезти в отдел, нам так же криком сообщили, что за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, грозит уголовная ответственность. Бармен нашего ресторана оказался по совместительству юристом:

– Ирка! Требуй повестки! – говорил мне тихо Марат, покаменты торопили нас поехать в отдел.

– Скажи, что явишься на допрос в другой день с адвокатом! Не едь сейчас!

Зачем бармен мне это говорил было не ясно. Я не понимала, что мне угрожает и чего стоит бояться. Не знала, что на допросе не действует презумпция невиновности, и там я в любой момент могу стать – нет не потерпевшей и не пострадавшей – а вот подозреваемой – легко. При этом следователь

так убедительно орал об уголовной ответственности, что совет обычно улыбочивого бармена – один из немногих дельных за всю мою жизнь – я проигнорировала... И конечно, плохо понимая жизнь, я сомневалась в компетентности бармена, как юриста. Иначе, почему он работает не юристом?!

Явившись на допрос без адвоката, я лишила себя квалифицированной юридической помощи. А сотрудники правоохранительных органов, вооруженные до зубов опытом, знанием юриспруденции и лазеек в законе раздавили меня, как букашку. От меня осталось пустое место. Два представителя правоохранительных органов лишили меня права на безопасность, спокойную жизнь и права на дыхание полной грудью. С помощью *добросовестных* следователей слово “правоохранительные” в моей реальности превратилось в оксюморон.

Меня отпустили через пять часов непрерывных вопросов. Моя коллега Вера целый час сидела свободная и ждала меня. Этот час меня допрашивали два следователя.

Когда мне начали задавать вопросы о личной жизни я, не зная о пятидесят первой статье Конституции, стала грубить.

– Это твоя сумка? Ее уже обыскивали? – спросил совершенно спокойно следователь, который прежде вел допрос раздраженно и только на повышенных тонах – Ты знаешь, что такое “статья два два восемь”?

В кабинете повисла гробовая тишина, писарь прекратил клацать печатной машинкой и обернулся. Сумка была дале-

ко от меня и висела на спинке стула в другом конце кабинета.

– Смотри, – говорит мне крикливый следователь совершенно спокойно – или мы обыскиваем твою сумку или ты нормально разговариваешь и отвечаешь на все вопросы.

Выбрав меньшее из зол, я согласилась разговаривать нормально. Жаль я не знала, что в ходе допроса ни следователь, ни дознаватель не имеет права шантажировать, угрожать свидетелю лишением свободы, и такие действия уголовно наказуемы. Попросила из сумки сигарету. Ни сумку, ни сигарету мне не дали. Таким образом, сотрудники воспользовались моим незнанием закона и превышая свои должностные полномочия, допрашивали меня в состоянии сильного стресса и дезориентации, еще и вынудив свидетельствовать против себя.

Не знаю, Верка или я прервала молчание в машине, что везла нас обратно в ресторан. Немного ожив, под конец поездки я стала использовать свой старый способ, не раз помогавший мне пережить непредсказуемость жизни:

– Прикинь, Верка, какой у тебя гость был ответственный... В него стреляли, убивали, а он бежал к тебе в ресторан, оплатить свой счет...

Верка оценила шутку – усмехнулась и грустно вздохнула:
– Они даже не притронулись к своему заказу.

Тогда я, сдерживая истерический хохот, за которым часто пряталось желание плакать навзрыд, шепотом, чтобы не слышал водитель, заключила:

– Так значит он бежал к своему шашлыку! – тут уже и Верка не смогла сдержаться...

Обесценивание трагедий, несправедливости и ужаса, что несет в себе черный юмор, спасает меня всю жизнь.

В ресторане была почти полная посадка, когда нас привезли. Ничто не напоминало о кровавом убийстве, случившемся здесь, около шести часов назад, среди бела дня. В царившей беззаботности и праздности, среди алкоголя и смеха, из телевизоров и по всему ресторану заезженные, и такие родные хиты года: Madcon “Beggin” и “No stress” Laurent Wolf, второй из которых я особенно любила.

Всю последующую неделю я почти слезно просила администратора и бармена, отвечавших за качество звука, убрать мучительное эхо и странные посторонние шумы из телевизоров. Однажды неприятное звучание исчезло само по себе...

О произошедшей днем катастрофе напоминали парочка простреленных окон и черный след на асфальте от крови убитого человека у входа в ресторан. Оля все-таки вышла на работу, пока нас допрашивали. Она, высокая и красивая девушка, с зелеными глазами, ярко-рыжими волосами, длинными конечностями и выдающейся грудью, как и я, не любила обслуживать постоянных гостей ресторана. Обычно, всех постоянных – важных и властных – обслуживала не менее важная Вера.

Писать жалобу в прокуратуру на принуждение следователями меня к даче показаний путем шантажа, угроз и превы-

шения ими должностных полномочий в мыслях не было. Радуюсь долгожданному завершению мучительного допроса, я тут же постаралась забыть и его. Элина – психолог, которую я почти два года посещала с булимией – предложила:

– Ира, хорошо бы это всё проработать, проговорить иначе всплывет! Даже спустя много лет может всплыть!

Элина прекрасно знала о чем говорила, ведь она работала с жертвами теракта в Беслане.

– Не всплывет. Не надо ничего прорабатывать. – самоуверенно отказалась я от помощи опытного специалиста, решив все забыть.

Я действительно хорошо справилась с задачей “забыть”. С большим трудом несколько лет спустя, я узнала колоритного повара. Он долго мне напоминал, где именно, мы работали вместе.

Сюрприз номер один.

Элина оказалась права. С наинеожиданнейшим телефонным звонком в конце января две тысячи двадцатого детали кровожадного преступления по крупинке стали всплывать из глубин подсознания, подобно тому, что не тонет.

– Вы были свидетелем убийства и должны подтвердить показания. Когда приедете? – спросил незнакомый голос.

Я не сразу поняла, что это не шутка. Голос стал напоминать детали случившегося, я моментально ощутила ужас, что пережила в тот жуткий день. Какое-то время я пыталась поверить, что это у меня появились голоса в голове и готовилась окончательно сойти с ума...

Однако перед звонком, следователь приехал в гости к моей маме, что явилось веским доказательством реальности происходящего и лишило меня права уйти с головой в отрицание или спрятаться в укрытии безумия. Следующие две недели кроме ужаса, из подсознания в память стали всплывать подробности чудовищного и кровожадного преступления. Однажды вытесненное, лавиной прорвалось из бессознательного в мою память, и я очутилась в эпицентре ада...

Дорога, где месяц назад напротив нашего ресторана останавливались автобусы с беженцами из южной Осетии, кому и я в числе нескольких официантов выносила еду и воду, превратилась в огневой рубеж. Для меня началась война. Вне-

запно и без предупреждения, без новостей по ТВ и радио, ни где-то там в Ираке, Сирии, Чечне и Грузии, а в двадцати метрах от меня.

В солнечный осенний день, когда деревья еще были зелеными, а в голубом небе ни единого облачка, я, вдруг, обнаружила себя на террасе ресторана, сидящей на корточках у родного комода. Закрыв уши ладонями, кричу, в том числе и матом, без стеснения на автоматчиков. Время остановилось. Всё замедлилось.

Прижимаюсь правом боком к стене, лбом — к боковине комода, слева от меня ведется беспорядочная стрельба минимум из двух автоматов. Стрельба направлена в мою сторону. Звук новогоднего фейерверка... словно возведен в абсолют. Запах, ненавистных мною маленьких петард, что обожают взрывать племянники девяти и семи лет от роду, смешан с запахом, паяльника отца и какого-то металла, что он использовал в работе. В странном ярком миксе запахов еле уловим аромат моего недавнего приобретения “Funny!” от Moschino. Свою новую туалетную воду, название которой спрашивали все вокруг и даже гости, я брызнула на себя перед работой около часа назад...

Слева меня прикрывает идиотский стул с металлическими тонкими ножками, а дальше в полутора метрах от стула — балюстрада. Влево не смотрю. Отлипаю от стены и комода, что меня всё равно не закрывает и поглядываю из-за него в сторону входной двери. Между мной и дверью примерно два

метра. Боковым зрением вижу: какой-то страшный мужик со странным оружием и бешеными глазами, бежит к ресторану. Не ясно один ли он, но совершенно ясно, что бежит он нападать. Бежит к входу, к которому направлена и стрельба. Я отчётливо понимаю, что мне, как можно скорее, необходимо прыгать, бежать или ползти к двери, попасть внутрь ресторана раньше этого страшного мужика, чтоб спастись. Находясь в ужасной ситуации, я прикидываю возможные действия и разбушевавшийся вихрь мыслей притупляет парализующий страх.

«Ну ты и придурок! – говорит, ухмыляясь в моих мыслях мама – стул-то железный! Тонкие ножки и плетеная спинка, как он тебя спасёт? Стул тебя не спасет! – продолжает воображаемая мама – Хоть на бок его положи, сидуха пули задержит... Но и это тебе не поможет, так тебя тут сейчас и убьют. При-ду-рок!»

«Нет, не придурок – думаю я – и меня не убьют!

Нужно бежать в заднюю часть террасы и сидеть там! Нет, оставаться снаружи опасно... Нужно попасть во внутрь! Как-то спуститься сзади... Высота там метра четыре, если прыгну что-нибудь сломаю точно... Почему там нет лестницы??? Сраной пожарной лестницы?! Или хотя бы дерева... Вся набережная в молодых саженцах, и не одного под балконом! Как бы мне пригодилось взрослое даже старое высокое дерево... Дуб, яблоня, груша, рябина... Дерево... но лучше лестница! Деревянная, веревочная, или канат... Так! У меня же

есть фартук! В нем точно есть полтора метра... Плюс ремень! Но ведь все нужно привязать к балясинам уйдёт длинна, и время тоже...»

Создавая мысленный шум и отвлекая им свой ужас, я решаюсь на поступок. Мужчина приближается. Ненависть и решимость убийцы в его глазах, какую я однажды уже видела... Понимаю, что путь только один единственный в самом страшном направлении. “Такое уже бывало. Мне уже приходилось преодолевать препятствия.” Глубокий вдох. “Мне и раньше приходилось выживать.” Задерживаю дыхание. Снимаю развязанный ранее длинный фартук, выбрав момент, резко вскакиваю из-за своего комода, несколько нелепых прыжков и оказываюсь у двери, прыгаю в ресторан, пинаю подпирающий дверь кирпич, дергаю и тяну ручку, смотрю сквозь стекло двери, бегущий мужик со страшным лицом уже на входе террасы, у самой балюстрады и я ловлю мысль: “Как же он так сильно открыл рот и глаза? Такое разве физически возможно?!” Щеколда три раза. Успела! Резко разворачиваюсь и быстро отступаю от двери вправо. Прижимаюсь спиной к прохладной стене, которую точно не прострелит ни одна пуля.

Выдыхаю. Пытаюсь закрыть глаза. Пытаюсь понять, что произошло и поймать ритм дыхания, но глубоко вздохнуть как-будто невозможно.

– Ирка! Быстрее закрой дверь! – кричит снизу незнакомый мужской голос.

– Закрыла.

– Ты жива? – другой незнакомый мужской голос.

– Да. Вроде жива.

– Спускайся вниз!

Ноги ватные и непослушные, всё тело странно дрожит. Дрожь, как от мороза в руках, в плечах, в коленях... Лестница, по которой я обычно пролетала быстро и легко, теперь кажется непреодолимым препятствием... Ступени словно из вязкого желе...

Верка стоит у бара. Она что-то рассказывает, размахивая руками, что странно – ей не свойственна эмоциональность; опустошает одну стопку за другой, будто для нее все произошедшее очередной повод выпить. В свои двадцать благодаря маленькому росту и лишнему весу, мелированным волосам и пышной челке из девяностых она выглядит на сорок лет. Вера была старшим официантом, чем очень гордилась, но не вредничала. Ее вздернутый нос, большие розовые щеки, второй подбородок вызывали стойкую ассоциацию и боролись с моей сдержанностью и воспитанностью – я ни разу ей не сказала: “А ну-ка, Вер, похрюкай!”

– Выпьешь? – спрашивает меня бармен.

Обычно, я с радостью принимавшая его угощения мотаю головой.

– Воду? Горячий шоколад?! Ирка! Я сделаю, как ты любишь! – настаивает удивленный бармен.

Горячий шоколад со взбитыми сливками я жутко люблю-

ла на прошлом месте работы, где мы и познакомились с кудрявым и сухощавым Маратом. Часто клянчила у педантичного бармена с орлиным носом любимый напиток, но Марат перестал его для меня готовить, ссылаясь на то, что горячий шоколад на новом месте хуже...

– Нет, спасибо – отвечаю ему на автомате.

Иду к черному выходу через кухню, но выходить из ресторана нельзя. Курю вместе с поварами. Ловлю на себе странные взгляды жалости или сочувствия. Они тихо о чем-то говорят, а я молчу. Курить сложно – при затяжке щелчки в ушах.

– С тобой всё нормально? — спрашивает меня хлебница, большая и статная женщина.

– В ушах щелчки...

– Рот открой, как будто зеваешь – говорит хлебница, как говорила мама, когда в самолёте закладывало уши.

Я стала шутить про открытый рот, повара смеются:

– О, вернулась! Ты как зомби была... Мы уже думали, что потеряли тебя.

Вспоминаю: с утра ничего не ела, но меня огорчают новостью, что обед не осталось. Повара предлагают подождать и собираются приготовить что-нибудь для меня, но я отказываюсь и жую корку хлеба.

После нападения несколько дней я ходила по ресторану, как рыба, открывая рот. Заложенность прошла, уши открылись и этому радовалась вся кухня.

Сотрудники приехали через полчаса и чёрный вход разрешили открыть. А я, обнаружив потери, отправилась на поиски обратно на террасу. За год до кровавого преступления на собственную зарплату я впервые приобрела себе телефон. Nokia 7500 с треугольными кнопками являлся доказательством моей самостоятельности и способности быть независимой от авторитарной матери, что всю мою жизнь прибегала в том числе и к финансовому абьюзу.

Сначала телефон имел лишь интересную игру, где я на досуге выстроила целый город с золотыми крышами, затем у него появилась и своя насыщенная жизнь. После зверского нападения этим телефоном я сделала видеозапись прыжка с парашютом... И благополучно потеряла драгоценный артефакт вместе с трубкой в такси. Телефон нашелся спустя год. И выпав из сумки, во время катания на мотоцикле “выжил”, но “сдох” окончательно, упав с невысокого дивана.

А во время обстрела, при первой попытке забежать в ресторан, не понимая бесценность и хрупкость жизни, я пренебрегла собой... И подняла упавший телефон. Затем резко отпрыгнула от двери в укрытие – к комоду за стул. Когда все закончилось, уже в ресторане я обнаружила, что потеряла украшение – стеклянный сиреневый брелок, что гармонировал с пластиковой розовой вставкой по периметру корпуса телефона.

Прошмыгнув на террасу сквозь многочисленных сотрудников, я забрала с комода свой фартук и быстро нашла сире-

невый камешек на том же месте, где я роняла телефон. Рядом с пулей. Не поверив глазам, я подняла эту пулю и застыла, глядя на нее.

На мгновение терраса опустела, и я увидела: порог ресторана усыпан дюжиной таких же шальных пуль. А у плиток террасы, между столбами балюстрады у самого входа на животе лежит человек. Странная поза. Черная одежда, как у того, который бежал. По асфальту к плиткам ресторана из-под человека в черном медленно расползается черная глянцева лужа. “Нет, это невозможно. Это неправда.” Я не могу отвести взгляд и проваливаюсь в туман. “Это он?! Он не дышит?! Он бежал, чтобы спастись?! И я перед ним закрыла дверь? Не-ет! Это кто-то другой! У бегущего было ужасное лицо... В его руках было оружие... И он бежал нападать...”

– Ты что тут делаешь? Откуда пуля? – кричит на меня здоровенный седой опер, возникший из ниоткуда, и я поняла, что плохо его слышу – Кто такая? Положи сейчас же пулю на место! И пошла бегом внутрь! Всем там скажи, чтобы никто сюда не выходил, поняла?

Ответив утвердительно, я послушно и машинально зашла в ресторан на еще более ватных ногах, и спускаюсь к черному входу. Мои увеличенные шоком от обстрела глаза, увеличиваются шоком от вида венозной чёрной крови и от понимания произошедшего.

– Ты бы его не спасла. – хоть что-то полезное сказали следователи во время допроса – Он бежал уже подстреленным.

У него не было шансов...

Но моя новая “травма выжившего” была не согласна с аргументами следователей, считала иначе и уверяла меня в обратном. Именно травма выжившего вынуждала меня впоследствии спасти всех без разбору, даже тех, кто в помощи и спасении не нуждался. В лице других я пыталась спасти единственного человека, которого не знала лично и не имела перед ним ни долгов, ни обязательств. Жертвуя собой, я “держала открытую дверь” перед каждым, лишь бы спасти того единственного, кого спасти было невозможно.

– Ты не знала, как себя вести! Ты не спецназ! Не Рэмбо!

То, что ты спасла себя – уже успех и большая удача! Ты сделала всё что могла, понимаешь? – настойчиво убеждала меня психолог Тамара много лет спустя, к которой я пришла после тревожных звончков следователя.

– Понимаю – отвечала я ей на автомате.

Тамара оказалась профессионалом: после первой же сессии и давно знакомого мне “горячего стула”, с которым ментально ушла плаксивость, и я смогла, наконец, сделать глубокий вдох, рекомендовала мне обратиться к психиатру. Лишь через год я решилась последовать ее рекомендации после очередного звонка следователя и последовавшего регресса...

В очередной раз приступив к психотерапии я решилась на огромную работу одним из результатов, которой является то, что я начала писать. Сначала мысленно я писала заве-

щание на свое скромное имущество и придумывала способ умерщвления себя, поскольку никаких других путей отвоевать свою свободу и разум я просто не видела.

«Дыши».

У черного входа, я скукоженно сидела у двери на пластиковом ящике, что служил работникам кухни табуретом. Окутанная густым и липким туманом я пыталась сжаться, и спрятаться, как черепаха, глубоко в своем теле, после увиденного на террасе убитого человека... И вдруг, появился кто-то живой!

– Это ты столько выкурила? – спросил молодой поваренок.

Пепельница была заполнена целой пачкой выкуренных мною наполовину сигарет. Курить не получалось...

– Там. Человека. Убили. Понимаешь? – говорю я Егору задыхаясь – Мертвый человек на входе в луже крови...

Один из тех веселых и задорных поваров, которых я считала глупыми малолетками и в кого я во время запары металась трехэтажным матом, старался меня подбодрить:

– Ир... Постарайся это всё забыть и жить своей жизнью.

– Я закрыла перед ним дверь!

– Но ведь не ты в него стреляла! – настаивал повар...

И он был прав. Однако я больше верила своей давней ближайшей подруге – гипертрофированной Вине.

Много лет спустя мой психотерапевт, сказал примерно то же самое:

– Смерть этого человека – вина убийц. Людей, которые в

него стреляли, но не Ваша.

Благодаря совместным усилиям с психотерапевтом, имеющим внушительный опыт, мои отношения с иррациональной Виной стали сильно прохладнее.

Когда я немного вернулась в себя и к работе, перестала ругаться даже на косяки поваров, к чему они долго привыкали.

Моя следующая после трагедии рабочая смена наступила через два дня. И я, будучи добросовестным официантом, приступила к вытиранию комодов и столиков на террасе от пыли. Дверки одного из двух комодов цвета венге были покрыты темно-коричневой кирпичной пылью. При этом кирпичей вокруг не было. Мимо проходила Вера, и на мой вопрос о странной пыли, что вытиралась почему-то с трудом, удивилась матом:

– ... походу, это его кровь...

Спустя три года по убийству прошел суд, куда я была вынуждена явиться в качестве свидетеля. Выполнив свой гражданский долг и почувствовав долгожданное облегчение, и была уверена, что мне больше никогда не придется вспоминать самый страшный день в жизни.

После чудовищного преступления о своей жажде жизни и свободы я забыла, как и о давнем желании и намерении переехать в Москву или Санкт-Петербург. Хуже стала ощущать усталость и вообще тело. Меньше стала чувствовать и понимать свои потребности. Больше – пить и работать на из-

нос, как робот на автопилоте.

Несколько раз психолог Элина пыталась вернуться к страшной теме, но я, убедив себя, что все в порядке смогла убедить в этом и ее. Она была единственным в моём окружении человеком, кто не обесценивал пережитую мною катастрофу и понимал возможные последствия. Но я прислушалась к мнению большинства и не стала принимать кровожадное преступление близко к сердцу, обращать на него внимание и решила жить своей жизнью...

Это был третий по яркости день в моей жизни. Первые два – день моего зачатия и рождения, которые, к сожалению, я пока не помню. Но свой личный армагеддон... Я не просто его помнила, а словно застряла в нем. При этом старалась забыть его изо всех сил, как страшный сон. Однако, трагичные события впечатались не только в память, но и в мою личность против воли. Весь вытесненный, недопережитый и отрицаемый ужас из подсознания активно влиял на качество жизни.

Естественно, я не осознавала, не замечала ни этого влияния, ни его причин. Выбрав слепость и не принимая реальность целиком, я не могла отслеживать и контролировать влияние катастрофы. С началом психотерапии спустя много лет я обнаружила: травматичное прошлое было моей частью личности, как частью тела, уродующей меня, придпавшей поведению странность, жертвенность и неадекватность.

Травма влияла из глубин, управляла моим поведением,

а я называла это характером. Происходил дисбаланс: вместо атрофированного спокойствия работала гипертрофированная агрессия. Трудно вдруг осознать и обнаружить себя сломленной растоптанной, когда всю жизнь присутствовало убеждение, что излишняя тревожность, подозрительность, вспыльчивость – это врожденные и неизменные черты характера...

С признанием грубых ошибок, в своих далеких от действительности суждениях, пришло облегчение: характер строится из привычек и убеждений, формируется в процессе жизни и при сильном желании поддается коррекции и обновлению. Грустно признавать: вместо развития и реализации своих способностей и лучших качеств, я тратила жизнь на обслуживание иллюзий и страхов, что выросли на почве чужих ошибок.

Безликий следователь позвонил, когда я насытила настоящее и заполнила планами на будущее всю свою жизнь, нивелируя тем самым значимость прошлого и чужих ошибок; когда я наконец начала жить, а не выживать... И сумела покинуть город, где случилась кровожадное убийство, и который долгих тринадцать с половиной лет являлся для меня тюрьмой.

На фоне неожиданного звонка даже никотиновая ломка стала казаться пустяком. Перед звонком следователя я взялась за первый пункт из планов на год “бросить курить” и наконец поборол пагубную привычку, с которой жила две-

надцать лет. Как по расписанию, один раз в месяц, а потом – в две недели, я получала звонки от следователя. И всякий его звонок был неожиданным, внезапным, как сам обстрел и кровожадное преступление. А после звонков мне вспоминался бегущий мертвец с его страшным лицом и снились кошмары.

Следователь испробовал и давление, и обещания, но все это было без толку... Ничто не могло затмить нахлынувший на меня ужас. Вместе с тем, я понимала, если навязчивого или бывшего поклонника можно добавить в черный список и заблокировать без последствий, то с должностным лицом такой фокус будет чреват.

По крупинке всплывали детали, и я тихонько начинала терять связь с реальностью. Меня пугала жизнь в мире, где кровавые разборки могут начаться вообще в любой момент! Как и зачем дальше жить было непонятно... До сих пор я не знаю, на каких основаниях и зачем подняли дело, но точно не для того, чтобы переквалифицировать его в террористический акт, свидетелей – в жертв или потерпевших и позаботиться о тех, кому не повезло пострадать при теракте, но повезло выжить.

Нет, я была не просто свидетелем чьей-то смерти. Я сама спасалась и выживала! И я выжила. Я сумела мобилизоваться, собраться и сообразить, что делать, чтобы не поймать шальных пуль. И выживала я, уж точно не для того, чтобы быть свидетелем чужой смерти, и бороться с ужасными

воспоминаниями, а для того, чтобы прожить свою жизнь, молодость, зрелость, старость... Но вот эта вся лирика, мои планы на жизнь и чудеса генетики мало интересовали следователя.

Он позвонил еще два раза и начался карантин, ставший для меня благодатью. Пропала необходимость выходить на улицу, что казалась мне опасной. Пандемия, и возникшие с ней изменения, отвлекали меня от личной борьбы за право жить... Отвлекали, но не могли затмить страшные воспоминания, что захватили меня в плен.

Из новостей я познакомилась с делом Цкаева. Будучи подозреваемым в преступлении Владимир Цкаев *погиб в больнице* в 2015 году после нескольких часов пыток в здании УМВД по Владикавказу. При этом никаких преступлений убитый не совершал... Я пришла в еще больший ужас, вспомнив и свой допрос. Ещё раз перенести очередное общение с теми, кто открыто угрожал и унижал казалось невозможным. Поэтому социофобия с паранойей зацвели буйным цветом.

Звонки невидимого следователя запустили ре-травматизацию: ужас и боль, которые я, будучи шокированной, не прожила и не прочувствовала “там и тогда”, а послушно проигнорировала, обесценила и вытеснила, накрыли меня тяжелой тушей...

Я застряла в чудовищном мгновении из далекого прошлого. Казалось, что я тоже погибла в обстреле и давно мертва, а вся последующая жизнь – галлюцинация и фантазия. Снова

и снова я становилась невольным очевидцем кровожадного преступления в своих кошмарах. Во сне и наяву происходило проживание непрожитого. Меня душила вина за закрытую дверь перед бегущим человеком... Ненавидела себя за трусость и необратимую ошибку, ведь я спутала обреченного человека, бегущего к спасению, с опасным нападающим.

А самое главное – появился навязчивый страх, что в любой момент, в любом месте может начаться что-то ужасное, а именно – обстрел. На улице, среди бела дня. Обстрел, от которого мне опять придётся спастись. А вдруг я живу девятую жизнь? И следующая попытка не будет удачной?...

Возникло множество вопросов и к преступникам. Неужели нельзя было найти другое время и место для своих разборок? Неужели не нашлось *гуманного способа убийства*? Почему нельзя было *убрать человека*, обратившись к Лиону из фильма, например? Почему человеческая жизнь, которая каждому достается с большим трудом, чудесная, многогранная и сложная всё ещё является разменной монетой? Почему во то время, когда можно убивать друг друга виртуально в компьютерных играх, всё ещё существует необходимость убивать друг друга в реальности? Почему в тот день маленькие школьницы, возвращаясь домой, были вынуждены в ужасе убегать от обстрела? И почему во времена пейнтбола и суперкрутых водных автоматов все еще используется настоящее боевое оружие?...

Из уроков ОБЖ я помнила про первую помощь, непря-

мой массаж сердца, искусственное дыхание... Однако я не нашла в своей памяти информацию о самопомощи и действиях после удавшегося выживания. Мне неизвестно учат ли в школах или семьях, как говорить с людьми, коим пришлось столкнуться с внезапным ужасом и выжить. В основном, я слышала от коллег, друзей, близких: «Постарайся забыть. Живи своей жизнью. Не принимай это близко к сердцу. Всё будет хорошо. Не грусти. Не переживай».

И сейчас я понимаю, из ужасного оцепенения после страшной трагедии, где мне повезло выжить, меня могли спасти слова: Дыши! Дыши глубже! Помни о глубоком дыхании! Дыши полной грудью! Говори! Говори столько сколько тебе нужно! Выговаривай всё, вообще всё! Матерись если хочешь! Покричи, если это тебе нужно! Я слушаю! Я буду слушать все! Я рядом! Все твои чувства и переживания в этой ситуации – важны! Ты сделала всё возможное! Твоей вины в случившемся нет! Ты сделала все правильно! Ты молодец! Жизнь продолжается! Смотри какая ты умница – тебя ни одна пуля не зацепила! Дыши! Дыши глубже! К сожалению, так бывает! Но сейчас ты в безопасности! Ты в безопасности. Дыши. Чего сейчас хочешь? Хочешь обняться? А – мороженое?

Флешбэк №3.

Самый трагичный день в моей жизни, превратили гигантскую пропасть между мной и нормальным миром, образовавшуюся с течением жизни в неблагоприятных условиях, в бездну. Безвозвратно потеряв немногочисленные, и тем ценные, точки соприкосновения с обществом, я оказалась обреченной на одиночество. Я потеряла остатки адекватности, ориентиры, надежду.

Как ни странно, именно звонок безликого следователя оказался стимулом к психотерапии... Началось мучительное время. Война за рассудок. Подбор антидепрессантов, превращение из клиента психолога в пациента психиатра и психотерапевта... Мне резко исполнилось восемьдесят лет, и я устала жить. Поезда метро, красные светофоры, мосты и окна манили меня, и чтобы не поддаться их зову, я прилагала огромные усилия. Каждый день я заставляла себя жить. Усугубилась социофобия, как и другие страхи. Из глубочайшего морального разочарования в людях, и очередного экзистенциального кризиса взошли ростки мизантропии, и зацвела депрессия.

С переездом в Санкт-Петербург жизнь и новая среда стали настолько меня устраивать, что однажды желание смотреть на реальность через призму алкогольного опьянения, как по щелчку пальцев, исчезло. И даже после звонка следо-

вателя не удалось возвратиться к алкоголю: без регулярной практики, навык получения удовольствия от спиртного пропал, усилился мучительный бодун, а страдать я никогда не любила...

Для заземления я вернулась к изучению английского языка и связалась со своим репетитором после долгого перерыва. Чтобы для прошлого совсем не было места в настоящем, я начала изучать еще и французский. Для окончательного отвлечения от новой реальности я решила на преодоление ужаса и паники перед огнестрельным оружием. Из скромного арсенала тира я выбрала старенькую пневматическую беретту.

– Чтобы попасть в десятку, нужно целиться в нижнюю семерку... – проинструктировала меня пухлая и угрюмая девушка – у пистолета сбился прицел, ему нужен ремонт.

«Как и мне. – подумала я и отказалась от предложенной альтернативы. – Мой прицел тоже сбит».

В психотерапии началась переоценка собственной личности с учётом новых обстоятельств. Я вспомнила: похожий взгляд, полный ужаса и ярости, что вряд ли теперь забудется, впервые я встретила у Репина в картине “Иван грозный...”. Встречала похожий взгляд и в кино. Но взгляд моего бегущего человека был в тысячу раз мощнее, пронзительнее всего, увиденного мною ранее.

Именно в терапии я осознала нелепость фразы “как в кино”. Жизнь первична. Жизнь насыщеннее и ярче, тоньше

и многограннее любого спектакля, книги, фильма, фантазии и воображения! Возможно кино, и другие формы искусства ценны именно схожестью с жизнью. Но вряд ли что-то сможет сравниться с непредсказуемостью и спонтанностью, свойственной только жизни.

Реальность одновременно иррациональна и логична, бескомпромиссна и совершенно неожиданна. Впервые я встретила ужасный обезумевший взгляд в глазах своей матери. Мне было шестнадцать, когда она смотрела на меня так же, как позже – бегущий человек. Мама намеревалась меня резать.

После прогулки с одноклассником в свои тридцать три, на меня нахлынула ностальгия. Я решила вернуться в одиннадцатый класс и открыла старый личный дневник. Кроме тёплых волнительных воспоминаний, я наткнулась на запись: «...Вчера я чуть не отправилась на тот свет...».

В глазах мамы, кроме ужаса, была ледяная решимость, ненависть, отвращение. Схватив меня левой рукой за волосы, правой она обратным хватом держала внушительный кухонный нож и целясь сверху слева в район моей шеи приговаривала: «Лучше я тебя сейчас убью! Как свинью зарежу! Чтобы больше с тобой не мучаться!».

Причина – хорошая девочка огрызнулась авторитарной матери... Удивительно, я никогда не была трудным подростком. Трудными были мои родители. Приложив максимум усилий, преодолев вину за причиняемую руке матери боль,

я, выламывая ее пальцы, выкрутила нож обеими руками.

Не понимая, что делать с маминым покушением на мою жизнь, я обратилась за помощью к учительнице, кому доверяла со второго класса. Ни помощи, ни рекомендаций от взрослого человека я не получила – учительница мне не поверила. Тогда мне помог мой старый друг – Стокгольмский синдром: я как-то оправдала поступок мамочки, и продолжила её “любить”. Происшествие описала в личном дневнике, а воспоминание по старой привычке вытеснила и забыла.

Увидев эту запись в дневнике спустя семнадцать лет, я не могла поверить в написанное своей же рукой и в реальность возникшего воспоминания. Не знаю, как долго я отсутствовала в реальности и сколько литров слез пролила... Без своего психотерапевта я бы вряд ли смогла пережить этот флеш-бэк без потерь. Мать неожиданно позвонила примерно через два месяца после того, как я вспомнила о ее покушении на мою жизнь... За три месяца до этого звонка, после очередных моих *неудобных вопросов* она бросила трубку. Мать неожиданно позвонила, чтобы сообщить: те деньги, которыми она мне помогала первое время в Петербурге, когда закончились мои скромные накопления, возвращать не нужно. Мать неожиданно позвонила, и я начала задыхаться от ненависти к ней...

Тут все же нужно отдать ей должное – она не бросила трубку. Более того, она слушала меня около двух недель. Она слушала меня столько, сколько мне это было нужно, и мне

становилось легче. После отрицания и агрессивных попыток обвинить меня во лжи, после попытки убедить меня в том, что у меня галлюцинации, проблемы с головой, она начала шутить: “Ну не зарезала же?! Скажи спасибо, что не зарезала! Хотела бы зарезать – зарезала бы!”. Однажды, во время очередных моих нападков она тихо сказала:

– Наверное, в меня тогда чёрт вселился.

И я, не привыкшая получать извинения, тем более от гордой и жестокой матери, приняла это ее объяснение в качестве не очень веского, но аргумента. Мать не стала, как обычно, защищаясь, прятаться в отрицании... И я почувствовала себя живее. Более того, кривым объяснением, мама все же признала свои действия и вернула мне тем самым веру в свою реальность, адекватность и вменяемость.

На мой вопрос имеет ли мать, выросшая в деревне, реальный опыт закалывания свиней, она не ответила. Но это возможно, если судить с какой легкостью мама рубила кур. Правда не всегда птица гибла с первого раза... Быстро поймав покалеченную курицу, мама тут же исправляла свои недоработки с нескрываемой радостью.

С терапией я избавляюсь от категоричного контрастного мышления: «свой – чужой», «чёрное – белое», «хорошо – плохо». Учусь видеть не только основные и дополнительные цвета, но и плавные переходы между ними, различные оттенки. Возникает интерес к разнице между обыденными понятиями, о значении которых раньше я даже не думала. Од-

но из последних открытий: насилие – сила, направленная на разрушение, усилие – для созидания.

Я пересмотрела и свою обреченность на одиночество. Моя вынужденная изоляция, обусловленная недоверием и страхом, превратилась в лечебную, даже творческую обособленность и уединение. А вместо потерянных точек соприкосновения с социумом, нашлись факторы, объединяющие меня с людьми, что имеют похожий опыт.

Изменились мои ценности и приоритеты. Появилось осознание своей конечности и ценность жизни возросла многократно. Пришло больше спокойствия и смирения, больше доверия себе. А бытовые хлопоты стали казаться пустяком. Очень многое потеряло важность.

Я долго не признавала свою склонность к насилию и свою садистичную часть. Я отрицала жестокость в себе и считала, что насилие полезно для разрушения и противоречит приоритету человечества – эволюции; и что проявление жестокости сегодня – недоразвитость...

Психотерапия дает мне силы смотреть в свою теневую часть, изучать ее и не пугаться находок. Отрицать в себе негативные черты не просто глупо, но и опасно. Неосознанное, спрятанное в подсознании не поддается контролю и отравляет жизнь.

Свет и Тьма взаимодополняемы и неразделимы... Оба явления – части многогранной, сложной, полной цветов, оттенков, звуков, переходов жизни; их невозможно ни стереть,

ни удалить... С тенью легче понимать и воспринимать объем мира. Осознавая свою теневую часть, ее можно контролировать. Умение управлять своими негативными качествами, умение гуманно справляться со своими отрицательными эмоциями облегчает жизнь.

Мне все еще тяжело признать, что Тьма, как и Свет может быть безграничной. Вместе с тем пришло понимание: жестокость, склонность к насилию – часть природы человека. Теневая часть присутствует в каждом. Уровень отрицательных качеств в характере, интенсивность и способы их проявления, во многом зависят от условий становления личности. При этом, как и сама жизнь, любое ее явление существовало до меня и будет существовать после.

Психотерапия помогла мне расслабиться и принять: ничто и никто не может дать мне гарантии на безопасность. Ни в этом мире, ни на этой планете, ни во всей вселенной нет никаких гарантий. Да, жизнь такова, что обстрел может повториться в любой момент. Да, в любой момент и по любой причине я могу исчезнуть.

Однако, вместо концентрации на неподдающихся моему контролю процессах, я направляю фокус своего внимания на зависящие от меня аспекты жизни: отношение к себе и досуг, окружение и привычки, настроение и мечты, профессия и доход, внешний вид и место жительства, хобби и цели. Возможно, имеет смысл на всякий случай пройти курсы специальной подготовки и освежить знания по ОБЖ.

И все же, на сегодняшний день, вместо растрачивания энергии на ужас и отчаяние, я выбрала жизнь с мелочами и рутиной.

Глава 2. Фрустрация.

Ариель.

Во время очередной психотерапевтической сессии я скукожилась в кресле, давясь своими невыплаканными в шесть лет слезами. Тщетно сдерживая нервный тремор принимаю стакан воды из рук девушки психолога – Тамары.

Воспитательница в детском саду дала нам задание слепить что-нибудь на свободную тему. Карина Юрьевна собрала всю группу, чтобы озвучить задание и главное условие: свои работы мы заберем домой и покажем родителям. Затем воспитательница отправилась на очередное очень важное совещание в кабинет заведующей.

В лепке я чувствовала себя уверенно и не упускала возможности поиграть с пластилином ни дома, ни в детском саду. А судя по восторженным реакциям взрослых, детей и по выставленным на всеобщее любование моим работам, лепить у меня получалось хорошо. Пока Карина Юрьевна оглашала задание, в моем воображении возник образ русалочки Ариель из любимого мультика. Поэтому я решила лепить её. По ощущениям это была импровизация.

В руках вспыхнул первый в жизни «пожар»! Я быстро вылепила тельце и руки жёлтого цвета, после – шею и голо-

ву. Соединила. Сформировала хвост из зелёного пластилина и прилепила его к телу; следом— синие ракушки на грудь, как в мультике! Далее, беру кусок красного пластилина формирую шарик ладонками и расплющиваю его на столе. Получившийся блин дорабатываю пальчиками – волосы готовы. Надеваю эти волосы, как шляпу, на голову русалочкиправляю их и прижимаю. Приклеиваю к лицу малюсенькие черные полукруги – глазки. Добавляю красный маленький полукруг – улыбку.

Сгибаю свою русалочку и сажаю ее на большой камень из куска смешанного пластилина неопределённого цвета. Всё! Я довольна своей работой, да еще и завершённой удивительно быстро.

Во время лепки ко мне подбегали ребята посмотреть на процесс. Многие смеялись из-за ракушек на груди русалочки. Моя Ариель из пластилина очень похожа на любимую героиню из мультика! Я удивляюсь и радуюсь, что получилось так же, как в моем воображении.

Возникло желание слепить друга Ариэль – Флаундера и вопрос —смогу ли слепить вредного Себастьяна... Представляю, как покажу маме свою красивую русалочку, и она обязательно разделит мой восторг.

Воспитательница вернулась в группу. Она, как всегда, скорчила брезгливо-недовольно лицо и стала медленно осматривать то, что мы слепили. Любимчики Карины Юрьевны – Коля и Боря – с нетерпением ждали ее реакции

на мою работу. Они суетились и подгоняли ее к моей работе.

– Карина Юрьевна! Там Ира голую женщину слепила! Ру-салку! В лифчике! – выкрикивали они по очереди.

Я начала беспокоиться: «Может быть ракушки это— лишнее?». Воспитательница томно двигалась по группе, и мы дружно перемещались следом за ней. И вдруг все вместе остановились у медведя с бочонком мёда, слепленного Жориком. Коричневый медведь был абсолютно гладким и почти глянцевым, без отпечатков пальцев на пластилине. А маленький бочонок мёда жёлтого цвета был как будто из настоящих деревянных досочек! На бочонке даже имелась надпись «мед»! Выражая восхищение, я стала задавать Жорику вагон вопросов в секунду про его медведя... А Жора с улыбкой рассказал мне по-секрету, что мама водит его на лепку и этого медведя он уже сто раз лепил!

Позже он научил и меня добиваться такой же гладкости пластилина, что оказалось не так уж и просто. Долгое время я пыталась понять, зачем мама Жорика водит его на лепку.

– А тебе дома не разрешают лепить? – спрашивала я с сочувствием.

– Разрешают. – удивленно отвечал Жорик.

– А пластилин дома есть? – не унималась я и представляла, как он тоскливо смотрит в окно...

– Да. Разные цвета, тут нет таких! Я принесу тебе.

– Хорошо. Но тогда зачем тебя водят к какой-то незнакомой женщине?

– Она мамина знакомая и учит меня лепить.

– Ну все же умеют лепить!

– Вот смотри, это она она научила меня правильно лепить.

Медведь, которого Жорик слепил при мне, был очень красив. Но мысли о той женщине, что учит Жорика лепить долго волновали меня. Я расспрашивала его о ней, поскольку сама опасалась чужих и малознакомых женщин, ведь я не знала, чего от них ожидать...

Надежда.

Часто мама забирала меня из садика и приводила к себе на работу, что я обожала! От турникета на проходной и от просторной бетонной площадки, на краю которой располагалась настоящая грузовая машина на постаменте, я была без ума. Каждый раз я спрашивала маму и остальных взрослых: «Зачем там этот старый грузовик?». Все отвечали по-разному, и я так и не поняла цель того памятника... Все что мне оставалось – наслаждаться впечатляющим видом, какой имели и военные истребители у спортивного клуба “Подвиг” на берегу Магаданки.

Стены маминной работы были увешаны серыми железными шкафчиками похожими на нашу настенную аптечку. На дверках этих шкафчиков были окошки, а внутри —большие разноцветные кнопки, некоторые из которых мне разрешали нажимать. Множество черных проводов разной толщины змеями извивались по потолку и стенам. На столе электрический чайник и железные подстаканники. Над столом большой плакат с четырьмя мужскими лицами.

Один из мужчин на плакате с длинными волосами в круглых очках острым носом и тонкими губами. Никогда раньше я не видела мужчин с длинными волосами, поэтому бежала к тому календарю с порога. Одна из маминых коллег угощала меня вкусным чаем с булочками или бутербродами и по-

могала прочесть надпись на плакате “The Beatles”. Букву “В” я знала – в садике мы учили стихотворение на английском про баттерфляй.

Та женщина встречала меня сдержанной улыбкой вопросами про детский сад, часто что-то вязала спицами, как мама. Иногда она резко вставала открывала железную дверку и сосредоточено нажимала какие-то кнопки. Она громко говорила по зеленому телефону, с крутящимся диском, как у нас дома, и делала записи в большой специальный журнал.

Одна из дверей на маминой работе вела в огромный гараж с высоченным потолком и ямами в полу, куда спускались мужчины, чтобы полюбоваться своими гигантскими машинами снизу и постучать по ним инструментами. В гараже пахло машинным маслом, и я мечтала побегать между глубоких ровных ям. Но мама всегда крепко держала меня за руку и лишь несколько раз подводила поближе к ямам. Мама обещала, что разрешит и побегать между ям, и спуститься в них по интересным ступенькам, когда мне исполнится семь лет.

Единственная причина по которой я не любила мамину работу это тётя Надя. Мама забирала меня из садика и первым делом я спрашивала ее работает ли сегодня тетя Надя, чтобы подготовиться к отвратительной встрече заранее и продумать план действий... Но придумать ничего не получалось.

Тётя Надя была самой страшной из всех маминых знако-

мых. От нее так же, как и от папы воняло водкой и сигаретами. Она громко разговаривала и смеялась своим прокуреным голосом и была вся какая-то опухшая. Её тонкие губы были криво накрашены ярко-розовой помадой, а размазанная тушь ее вовсе не украшала. То рыжие, то белые волосы торчали в разные стороны и похожа она была на Бориса Моисеева из телека.

– О, Иришка, привет – здоровалась она и резко засовывала руки под свою одежду.

Время замедляется и вот я снова вижу ее белый живот, затем бюстгальтер, дальше – ужас и отвращение. Мама стоит рядом и хохочет.

– Смотри, смотри на мои сиськи! – смеется тетя Надя – Мужика у меня нет, детей тоже, сиськи показывать некому! Хоть тебе покажу ёпрст...

Взрослая женщина пихает мне в лицо свою обнаженную грудь... Эта грудь так близко к моему лицу, я отворачиваюсь, морщусь, но её моя реакция не останавливает.

– Ну ёпрст, что не нравятся мои сиськи? Чо ты не смотришь? А, Иришка? Мамкины лучше? – громко хохочет тетя Надя и трясет свою грудь над моим лицом, которое я закрываю ладонями, чтобы это прекратилось.

– Надя, ей не нравится не видишь, что ли? Прекрати давай, а то опять она будет плохо спать. – робко делает замечания мама.

Тетя Надя наконец прячет свою грудь, продолжая мерзко

хохотать и материться.

– А вот «шурupu» мои сиськи нравились, когда она была в твоём возрасте!

Мою старшую сестру Залину тетя Надя почему-то звала «шурупом». Термины и новые слова я различала плохо... Поэтому представляла гайку из папиных инструментов. Иногда тётя Надя болела. Тогда я расслаблялась и наслаждалась пребыванием на жутко интересной маминой работе.

Грабеж.

Незаметно вся группа подошла к моей русалочке, и все стихли. Дети из толпы стали шептать и выкрикивать:

– Она не сама лепила! Из дома принесла! Ей помогала Карина Юрьевна! – слышала я у себя за спиной голоса одногруппников.

– Она лепила сама, я видела! Ей никто не помогал! – храбро заступилась Алиса, которая сидела слева от меня и наблюдала за всем процессом лепки.

Всем интересна моя русалочка! Ракушки и волосы, хвост и маленькие глазки с красной улыбкой. Наконец я расслабилась и обрадовалась проделанной работе еще больше.

Вдруг воспитательница молча схватила подставку с русалочкой и подняв ее высоко над нашими головами, стремительно понесла мою работу из группы. В моем горле застрял ком слов. По неизвестной мне причине я не могла произнести ни слова, но хотелось кричать: «Куда? что не так? верни!». Я не знаю, как реагировать, и что делать... Со мной подобное впервые! Но я бегу за воспитательницей вместе с другими детьми. Только они чему-то радуются, а я – нет... Карина Юрьевна скрылась за дверью кабинета заведующей. Все вернулись в группу, а я осталась ждать у большой двери, обитой дерматином... Ковыряла железные кнопки. Долго решалась постучать, слушая их громкий смех.

«Может воспитательница забрала русалочку из-за этих ракушек на груди?! Но в мультике тоже ракушки...» – пытаюсь понять, что же не так я сделала, готовилась, что меня отругают, но русалочку вернут и тогда я отлеплю эти ракушки, чтобы еще и мама с папой не ругались.

Дверь открывается спустя вечность. Воспитательница выходит без русалочки.

Помню её улыбку и вопрос, типа: «Чего это ты тут стоишь?» Я не смогла ничего сказать. И заплакать тоже не смогла. Дальше – густой туман.

Мне не вернули мою работу. И мама так и не узнала о её существовании. Той русалочки уже и нет вовсе – пластилин недолговечный материал. Возможно, я лепила русалочек и в будущем, но ни одна не была той – первой.

Мне не позволили полюбоваться результатом моего труда, лишили возможности наиграться, повосхищаться вдоволь и проститься. Растоптанность несправедливостью коснулась меня слишком рано. Нелепая и, казалось бы, пустячная потеря, поселилась в моем подсознании, росла вместе со мной и сжирала внушительную часть жизни, без моего ведома. Ощущение безвозвратной и не прожитой утраты настигло меня сквозь много лет.

В кабинете психолога повисла мертвая тишина. Я посмотрела на множество мокрых салфеток вокруг себя – мой личный индикатор глубины переживания. Это была одна из самых эмоциональных сессий за многолетнюю терапию – во-

круг был целый океан слез... Вернуться в «здесь и сейчас» было сложно. Сил не было, и плакать было больше нечем... Была горькая обида, ощущение фрустрации и вопрос, занимавший всё во мне: «Ну как же так?!».

Тишину прервал тихий, твёрдый голос психотерапевта:

– Слепи себе эту русалочку. Позволь себе это. Позволь себе обладать ею.

Я ошиблась. Слез хватит еще на несколько океанов.

Глава 3. ГЛУПЫЙ МАЛЕНЬКИЙ МЫШОНОК.

«РОДНИЧОК»

Безмятежный сон Павла Константиновича, в невесомости теплых околоплодных вод, прервался. Блаженство внезапно сменилось запахом гниющей плоти и резким звуком. Закрыть нос и уши Павел Константинович не может – слабые руки его не слушают. Гул и незнакомый скрежет усилились, разрывая его тело изнутри. Острая боль нарастает, Павел Константинович кричит. Вызванные смрадом рефлексy безрезультатны – Павел Константинович голоден. Его лихорадит, голову словно сдавливают тиски, от вонючей гнили сознание покидает слабое тело...

Красноармеец Борадзов, родившийся для любви, а не для войны очнулся в очередной раз. “Где я черт возьми?” запищала в мозгу мысль. Неизвестно, сколько времени солдат провел без сознания. Неизвестно, сколько попыток очнуться было прежде. Боец Борадзов ничего не видит: опухшие веки склеены запекшейся кровью. Изo всех сил Борадзов зовет мать. Солдату хочется пить, свежего воздуха и понять наконец – где он: в раю, в аду, в окопе, в болоте, где? Он молится

на своем языке и матерится без стеснения. Нащупал товарищей: “Спят? Значит окоп.” С большим трудом будит тех, кто мешает ему двигаться свободно, нагло придавив, но странно что товарищи, как будто невесомы... Тормозить не получается – пространство кажется незнакомым и тело слушается с трудом... Борадзов снова теряет сознание.

Очнулся от скрипучих голосов живых людей. Женские голоса, похожие то на мерзкий скрежет, то на протяжный гул кричат что-то издалека. Громкость и звук голосов искажается – сознание Борадзова опять в тумане, сквозь веки в глаза попадает свет и снова эта чертова тошнота...

Две юные голодные и уставшие санитарки встречали «новый завоз» и на заднем дворе наспех разбитого госпиталя была суета. Во время короткого перекура санитарки увидели у морга полуживого изуродованного бойца. Жажда жизни или инстинкт самосохранения, не поддающийся контролю, что включается автопилотом, когда больше нет никаких сил, этот самый инстинкт заставил Павла Константиновича прорываться сквозь невесомость, из-под завалов трупов, кричать, что есть мочи и ползти к живым голосам. Красноармеец Борадзов чудом выбрался.

Новенькая санитарка, не успевшая привыкнуть к такой стороне жизни, потеряла сознание, другая – пулей полетела за подмогой. Случаев, когда полуживые люди из-за чужой ошибки или невнимательности погибали в моргах, было множество. Ценность “мяса” была ничтожна. Только в жиз-

ни бойца Борадзова этот случай был вторым. И второй раз ему посчастливилось освободиться и выжить.

Травма была тяжелой – Павел Константинович потерял значительную часть темени. Дыру в черепе кое-как залатали кожей и красноармейца Борадзова снова отправили на фронт в качестве *мяса*... Как и положено после госпиталя – в пехоту.

Но солдат Борадзов *мясом* себя не считал и ему посчастливилось выжить в мясорубке. Вернувшись на родину после окончания войны, некогда городской и красивый парень женился на девушке, имевшей в скромном приданном контузию, полученную во время рытья окопов. Отчий дом бойца Борадзова занял старший брат со своим семейством, наличие которого и спасло его от участия в войне. Уставший от сражений Борадзов П. К. решил не бороться за справедливость и наследство, а поселился с молодой женой бог знает где. А именно – на расчищенной преступной депортацией территории Чечено-Ингушской АССР.

Молодые быстро родили троих детей, а образование, полученное бойцом Борадзовым до войны, пригодилось в работе. И жизнь как будто наладилась.

Но, как и всякому человеку, близко знакомому со всеми ужасами войны, бойцу Борадзову было крайне трудно вернуться к мирной жизни. Война для Павла Константиновича не закончилась. Красноармеец Борадзов не мог забыть, как люди теряют человеческий облик и рассудок. Солдат пом-

нил мерзкую изнанку войны: показательные расстрелы “дезертиров” перед строем и Смерш¹, заградительные отряды, стрелявшие в спины и вынужденную победу. И после войны бойца Борадзова долго тошнило от беспредела, царившего в рядах Советской Армии, где человеческая жизнь ценилась меньше жизни мухи и где к патронам относились бережнее, чем к людям.

Боец Борадзов понимал: ни одна война – от крестового похода до мировых и локальных – не может быть священной и праведной! Только кровопролитной, уродливой, смертоносной, разрушительной, грязной, лживой, ужасной. Он знал, что война затевается для обогащения и так богатых, для новых наград и чинов, отдающих приказы, а романтизация войны – преступление. Павел Константинович понимал, что ни одна война не заканчивается ни капитуляцией, ни мирным договором, а продолжается, стихнув и приняв иные формы. Он понимал: плоды полученных им травм и навязчивого страха смерти будут собирать сквозь поколения и его потомки, а мины и снаряды будут взрываться и через десятки лет.

Боец Борадзов был невольно заражен склонностью к насилию. Тяжелые травмы напоминали о пережитом ужасе. А враг, которого нужно было срочно ликвидировать, периодически возникал из ниоткуда, в лице жены или детей. Впадая

¹ Деятельность заградотрядов, Смерша и показательные расстрелы описаны в книге Николая Никулина «Воспоминания о войне».

в беспамятство, Павел Константинович хватался за висящее на стене ружье...

Эти неконтролируемые воспоминания, видения, кошмары, вспышки агрессии, отравляли и без того нелегкую жизнь всей семье, где младшим ребенком была моя мать. С самого раннего детства мама рассказывала мне, о впечатляющей выносливости и жизнестойкости своего отца, и ее рассказы меня потрясали. Павел Константинович помогал своей младшей дочери с уроками и, как всякий заново родившийся, имел “родничок”. Вздутие темени под фуражкой при дыхании Павел Константинович в шутку сравнивал с горловым мешком лягушки. А про шрам на спине от первого ранения он убедительно и по секрету рассказывал своим наивным детям, что имел когда-то хвост...

Когда любимой младшей дочке рядового Борадзова исполнилось семь лет, он, после продолжительной болезни, попрощался с ней и ушел к праотцам. А место главы семейства в доме заняли бедность и голод, при котором похлебка из муки и воды считалась деликатесом.

Придурок.

В декабре 1996 мама готовила ароматный и, как всегда, наваристый, вкусный борщ с мясом, когда я – ученица второго класса, подошла к ней после урока труда:

– Мам, к следующему уроку нам сказали приготовить с родителями тесто из муки и соли.

– Зачем? – не отрываясь от готовки спросила мама.

– Мы будем лепить бычка, символ нового 1997 года! – торжественно сообщила я маме.

– Ты что придурок? – уставилась на меня мать.

После развода она все чаще использовала это обидное слово. Не самое обидное из лексикона матери и меня она хотя бы не била, как старшую сестру Карину. Да и вообще, моих сестер мама называла еще хуже, когда злилась на них, но и по именам обращалась к ним чаще... Меня же она называла по имени ласково только на людях и при папе. Значение обидного слова я понимала, но не понимала, чем заслужила такое обращение. Все мои действия и вопросы мама сопровождала гадким словом.

Мучительным было и то, что учителя напротив хвалили мои способности и в математике, и в чтении, и в письме... Хвалили маму за воспитание на собраниях и при случайной встрече. Но я продолжала слышать в свой адрес от матери “придурок”. При этом интонация, с которой меня оскорбля-

ла мама, менялась в зависимости от ее настроения.

Я не знала, чему и кому верить: учителям и одноклассникам, восхищавшимся моими способностями или матери, что, вскользь оценивая очередной мой рисунок, невзначай бросает, что и глазомер у меня развит недостаточно. Я старалась верить учителям ещё и надеясь, что однажды с их помощью смогу переубедить маму.

Сложно описать чувства, возникавшие всякий раз, когда мама меня оскорбляла. Оскорбление, в постсоветском пространстве, где детей часто воспитывают подзатыльниками сложно назвать насилием. Но оскорбление является психологическим насилием, и с влиянием этого страшного слова я борюсь до сих пор.

Всю жизнь я старалась доказать матери, что я – никакой не придурок! К свойственному мне с раннего детства самовыражению возникало много вопросов: это потребность делиться наблюдениями и говорить, потому что, есть, что сказать или это очередная попытка доказать маме, что она была не права? В какой-то момент я стала страненьким шутом – нужно соответствовать маминым словам. Ведь мама не может ошибаться! Все свои отличные и хорошие оценки, все свои успехи и достижения, я стала считать ошибкой учителей, либо случайностью, тем самым обесценивая собственный труд и способности.

Да, это мамино “придурок” привело к развитию синдрома самозванца. Да, я не верю тем, кто хвалит мои умственные

способности... “Придурок!” – одна из причин, по которой я, при множестве попыток, все еще не получила высшего образования. Да, я не гонюсь за успехом, ведь за ним могут последовать мучительные, непривычные похвала и положительные оценки, что не соответствуют словам матери. В погоне за привычной и родной критикой и оскорблениями, я совершила немало идиотских ошибок.

При этом, рационально я понимаю, что люди положительно оценивающие мои способности и результаты моего труда, не могут быть в сговоре и нет никакой выгоды мне льстить... Но каждый раз между мной и заслуженным успехом встает мамино “придурок”.

На мой вопрос почему мать позволяла себе меня унижать, оскорбляя я ни разу не получила от нее ответа. Не получила ни извинений, ни признания ошибок, ни объяснений, необходимых для облегчения моей ноши непонимания и несогласия... С помощью психотерапевта я смогла выстроить несколько гипотез, разбираясь в причинах психологического насилия со стороны матери.

Возможно, я была слишком не похожа на старших её детей. Не исключено, после развода мама хотела навредить папе через меня – его любимую младшую дочь. Может быть, своей мечтательностью я была похожа на маму, а человек не способный любить себя не способен любить ближних, особенно сильно похожих на него. А возможно я была похожа на кого-то из врагов матери. Причина может быть любой. А ре-

зультат – недоверие социуму, трудности в построении любых отношений и перманентный внутриличностный конфликт.

Мне было около девяти лет, когда мама в очередной раз назвала меня придурком. Я спросила:

– Хороший придурок?

Она рассмеялась и в последствии стала много шутить про “хорошего придурка”. Трудно было донести, что я соглашусь с любым её обзывательством и лучше стану “хорошим придурком”, чем начну с ней спорить и позволю себе усомниться в ее значимости и правоте. Являться “придурком” казалось безопаснее, чем оказаться брошенным отвергнутым матерью изгоем. Это проявления стокгольмского синдрома. Жертва не способна усомниться в правоте агрессора и всегда найдет ему оправдание.

Этим своим “придурком” мать отбирала у меня пространство познания и творчества, где я чувствовала себя свободно, безопасно и на своём месте. Ее оскорбление каждый раз выбивало у меня землю из-под ног. Все вокруг становилось затуманенным и ватным. Поэтому то, что я сейчас говорю, является одним из шагов к преодолению влияния слова матери.

В союзниках, кроме учителей, против маминого “придурка”, был и отец называвший меня “дочка”. Каждый раз, когда папа обращался ко мне таким образом, я наслаждалась возникавшим в ответ теплом, что из солнечного сплетения разливалось по всему телу.

– Нет мам, не придурок – говорю ей менее уверенно – честно! Я сейчас дневник принесу.

По дороге за дневником я думала, что ошиблась не поняла задание и тесто вовсе не нужно...

В дневнике было написано "тесто". В тетради был записан рецепт теста.

– И что вы будете с этим делать? Лепить? А потом что? Запекать? Съедобного бычка? – с раздражением спрашивала мама, изучив рецепт в тетради.

– Нет мам, не съедобного, как из пластилина, только из теста. Он будет крепким, а потом мы будем покрывать бычков лаком. Так учительница сказала. Как сувенир. – настаивала я, не подозревая о голодном детстве матери.

Первый учитель.

Чтобы убедиться в правдивости моих слов, мама позволила учительнице... К следующему уроку труда мама приготовила пельменное тесто. Много. Я даже смогла поделиться тестом с теми, кто свое забыл. Урок был интересным. Тесто не у всех было нужной консистенции, но Вероника Михайловна как-то сохранила общий энтузиазм.

С первой учительницей мне здорово повезло. Как я выяснила со временем, встретить в начале жизненного пути адекватного и вдохновляющего учителя – большая редкость и удача.

Вероника Михайловна сумела разжечь из маленького огонька познания пламя, что горит на протяжении всей моей жизни. Учительница казалась настоящей волшебницей! Стройная шатенка, с волнистыми волосами и зелёными глазами, завораживающим голосом с упоением она рассказывала нам об устройстве природы, мира, искусстве владения математикой и русским языком...

В самом начале первого класса мальчик с передней парты поднял руку посреди урока. Не дождавшись от учительницы права на голос, он отметил поразительное сходство нашей Вероники Михайловны и Вероники Кастро. Мы оценили меткое замечание одноклассника и тихонько хихикнули. Учительница похвалила мальчика с первой парты за подня-

тую руку. Сдерживая улыбку, Вероника Михайловна поблагодарила мальчика за неожиданное сравнение и велела в следующий раз говорить с позволения учителя.

Вероника Михайловна сплотила и сдружила нас насыщенной внеклассной жизнью: сладкими столами во время дней рождения и других праздников, походами в театры, на сопку и на экскурсии.

Впечатленная спектаклями и музеями, я без конца уговаривала маму сходить со мной в кино или на очередную выставку. Но вместо этого мама водила меня на китайский рынок. Недавно появившийся рынок с китайским ширпотребом, вызывал у мамы невероятный интерес и восторг. Радуясь, она почти с открытым ртом подходила от продавца к продавцу разглядывала вещи, наваленные в коробках, и пыталась разговаривать с китайцами, что знали на русском лишь несколько слов.

Сначала рынок был маленьким. Среди луж в осенней грязи были оборудованы тропинки из тонких досок. Затем, вместо хлипких цветных палаток, появились огромные морские контейнеры, в которых китайцы и жили. Их удивительный быт и то, как громко они разговаривали на своем языке, ели и все их чуждое поведение было интересно и мне.

Со временем я оставила попытки отвести маму в кино или музей и смирилась с ее выбором китайского рынка. А по дороге я радовалась каждой встрече с дымником на высоченной трубе МРМЗ – черной фигурой ведьмы на метле.

Иногда мы с мамой все же заходили в городской парк. Когда-то по праздникам и выходным всей семьей мы изучали кривые зеркала, аттракционы и бутафорские яранги. После развода родителей в парк мы стали ходить без отца и лишь на день города, чтобы отведать шашлык.

Порой Вероника Михайловна баловала нас рассказами про медведей, воровавших сгущенку на колымской трассе, легендами про дружбу косолапых и бурундуков... Учительница имела идеальный почерк, она умела рисовать, петь и играть на пианино. Вероника Михайловна умела всё! Она зачитывала интересные, по ее мнению, моменты из моих первых сочинений. А я познакомилась с неизвестными ранее чувствами растерянности, стеснения и гордости; желанием провалиться сквозь землю и в то же время встать на стул и принимать восхищение и похвалу...

Учёба давалась мне легко. Все было интересно и увлекательно! Сначала в красных прописях появились красные кружочки и зелёные квадратики. Красные кружочки совпадали с обложкой прописей, поэтому я писала без помарок. Потом красные кружочки появились и в тетрадях по математике. Кружочки были редкостью в классе и мне нравилась такая игра. К тому же учительница щедро хвалила всех получавших красные кружочки. Таким образом у меня сформировался условный рефлекс.

Тоскуя по былому вниманию и ласке матери, я не упускала возможности восполнить дефицит тепла, прилежно обу-

чаясь и получая за это похвалу учителя.

Нужно отметить, что несмотря на свой добрый нрав Вероника Михайловна была строга и требовательна – она никому не прощала даже помарки. Однажды допустив несколько ошибок, во время диктанта я получила тройку. Эта оценка мне не понравилась, а отсутствие уже привычной похвалы – тем более! Поэтому впоследствии я стала внимательнее.

Иногда я обращалась за помощью с уроками к отцу или старшим сёстрам, но от тотального контроля со стороны членов семьи я была освобождена. За процессом моей учёбы, моими успехами или неудачами никто не следил. Все были заняты своими делами. Тем самым мою жажду знаний никто не погасил своим неуместным вмешательством и контролем. В учёбе я была свободна.

«Ты меня любишь!».

Во втором классе меня и мою одноклассницу Свету приняли на кружок ИЗО. Его вела учительница рисования – Лариса Ивановна ласковая и добрая – какой когда-то была мама... Как и мама, Лариса Ивановна была большой женщиной, но в отличие от мамы имела голубые глаза, много улыбалась и щедро нас хвалила. Лишенная похвалы, проявлений любви и вообще адекватной оценки матери я с удовольствием посещала кружок, выполняла задания и наслаждалась теплой атмосферой.

Благодаря Ларисе Ивановне у меня появился интерес к искусству. Буквально после первого дня среди красок, кистей и множества репродукций, я сообщила домочадцам с гордостью:

– Лариса Ивановна сказала, что я очень сильно похожа на девочку с персиками Серова! И все на кружке сказали, что я копия девочки в розовой кофте с картины!

– Какая картина? Где девочка? Что ты выдумываешь? Серов – певец! – ответили мне сестры с мамой. – Чем ты на него похожа?

С тех пор, когда Серов в телевизоре пел “Ты меня любишь”, меня поднимали на смех.

Вскоре Лариса Ивановна показала мне репродукцию другой картины. Опять учительница, не скрывая удивления, от-

метила невероятное сходство между мной и “Неизвестной” И. Крамского. Наученная горьким опытом, я среагировала скромнее и спокойнее: дома, об очередном положительном замечании Ларисы Ивановны, я говорить не стала.

Кружок размещался в кабинете ИЗО и музыки. Занятия в нем проводились только у старшеклассников поэтому, посещая этот кабинет, я чувствовала себя взрослее, чем была очень довольна.

Интерьер кабинета был крайне интересным. На огромных восходящих ступенях располагались парты, между парт посередине кабинета лестница ведущая к задней стене, на которой фотообои с лесом. В стене -дверь, оклеенная теми же фотообоями, из-за чего ее трудно было заметить сразу. За дверью лестница вниз в волшебную кладовку, где хранились краски, кисти, наши работы и чайник...

Запах гуаши и чаепития по субботам между рисованием я любила больше всего. Мы бросали свои кисти, краски и накрывали первую парту у пианино выпечкой, пряниками, рулетами и бутербродами... Однажды кто-то принес даже варенье из молодых кедровых шишек ароматное и вкусное. Под истории учительницы, шутки и смех мы пили чай. Призовые места и конкурсы лично для меня были приятным дополнением к тёплой атмосфере, царившей на нашем кружке. Так, благодаря Ларисе Ивановне, с позитивным подкреплением мой интерес к творчеству и обучению окреп. С тех пор именно эти процессы – обучение и творчество – помогают

мне справляться с невзгодами жизни.

Впервые заняв призовое второе место, я все же не смогла уговорить маму сходить со мной на выставку. Кое-как уговорила Залину. На выставке я обнаружила, что работа вроде бы моя, а вроде бы и нет. Серо голубое небо с тучами похожими на настоящие – моё, голубые и рыжие сопки из мелких пятен мои, бревенчатый дом с заснеженной крышей мой. А ёлки не мои. И дерево у реки вроде мое, а вроде и не мое. И река изменилась, и следы на снегу ...

Работы вернулись в школу, и Лариса Ивановна разрешила забрать их домой. С нетерпением я приступила к поискам своей работы, чтобы наконец показать ее маме.

Перебирая стопку конкурсных работ других участников кружка, я увидела: все они тронуты рукой учительницы. Не понимая, что это, как и зачем, я чувствовала обманутой. Был это конкурс среди детей, либо это был детский конкурс с участием взрослых, или взрослый конкурс с участием детей, до сих пор непонятно. На последующих конкурсных работах также присутствовала взрослая рука.

Повзрослев, я узнала, что одно из основных правил в нашей стране “Не совершь – не проживёшь!” или “Хочешь жить – умей вертеться!”. Также, благодаря Ларисе Ивановне я узнала, что, используя уменьшительно-ласкательные суффиксы, лесть и похвалу жить и вертеться легче.

В сравнении с теплой атмосферой на кружке, которой мне не хватало дома, наши работы, законченные взрослой ру-

кой профессионала, хоть и вызывали непонимание, большого значения для меня не имели. Вместе с тем, я убеждена: детали характеризуют личность, и это сложно было понять детским мозгом.

В одиннадцатом классе я в слезах пришла к Ларисе Ивановне, которая казалась мне доброй и разумной, адекватной и вызывала у меня доверие среди остальных взрослых. Я просила ее помощи и участия после страшного конфликта с мамой, отношения с которой ухудшались и поведение матери меня откровенно пугало. Мама пыталась зарезать меня здоровенным кухонным ножом.

– Ирочка, такого просто быть не может! Что ты придумываешь?! – лепетала Лариса Ивановна – Твоя мама не желает тебе зла! Ей виднее, как поступить лучше! Тебе все кажется...

Со звонком кабинет заполнили ученики ее одиннадцатого “В”, и спросили учительницу о причине моих слез.

– Это Ирочка у нас расстроилась из-за третьего места на конкурсе. – ответила Лариса Ивановна своему классу.

Ее обман меня *отрезвил*. Мои слезы тут же высохли, я успокоилась и ушла. А впоследствии, я старалась избегать улыбчивую и ласковую, безупречную внешне учительницу.

Снегопад.

Зимой в Магадане темнеет рано. После кружка нас забирала родственники Светы, а иногда мои. В некоторые дни нас провожала до дома Вероника Михайловна ещё и потому что мы все жили в одном доме.

Деревянный барак в свое время был построен зэками на тридцать лет. Но и через пятьдесят лет он был в эксплуатации. Весь фасад двухэтажного дома был обшарпан временем до дранки. Барак был кривой и с каждым годом проседал сильнее. Голубой потолок заметно опускался по миллиметрам, и я представляла, что когда-нибудь мы будем сначала ходить на корточках, а потом – ползать по-пластунски под нашим потолком... Взрослые постоянно говорили об очередях на квартиры и субсидиях, о скором расселении и сносе нашего аварийного дома. В разговорах мамы с соседями, и по телефону, звучали слова: очередь, обещают, квартал, заявление, губернатор, запись, подписи...

Наш быт для меня был обычным хоть и причудливым местами. Мы занимали две комнаты просторной трехкомнатной квартиры. Все стены в нашей квартире были кривыми. Штукатурка поддерживалась розовыми обоями с интересным узором, создавая на стенах бугры, в которые я втихая от мамы любила аккуратно постукивать и слушать как за обоями с шуршанием сыпется песок.

Проживая в неблагоприятных условиях, я не страдала, поскольку все мои переживания были связаны с отсутствием присутствия матери. А мать оправдывала свое отстранение и раздражение бесконечными заявлениями и сбором подписей. Надеясь на скорый переезд, она хранила для нашей новой квартиры в углу за трельяжем в коробках японский поттер, тостер, микроволновку, видик и другие атрибуты нормальной жизни. Только в школе и оказываясь в гостях, я восхищалась ровными стенами и понимала, что условия жизни нашей семьи нетипичны.

Мама словно пряталась от меня в нехватке денег и в быту. Повзрослев, я часто думала, что условия жизни нашей семьи, являлись не столько следствием финансовой бедности, сколько следствием отношения к своей жизни в целом. Будучи ребенком, я не знала, что переехать мы могли в любой момент. Имелись возможности улучшить свои жилищные условия.

Вместе с тем именно повзрослев, я узнала, как сложно бывает принимать решение; как тяжело осмелиться и поменять ситуацию в лучшую сторону; как сложно осознать и преодолеть выученную беспомощность, и потребность бороться. С течением жизни я поняла, что выйти из привычной, приносящей страдания дискомфортной зоны комфорта – сложнее всего.

Барак был крайне любим и выделялся своим ярко розовым цветом на нашей маленькой улице. Располагался наш

дом почти посередине улицы, в конце которой была библиотека, а в начале – Дом Культуры «Автотэк» с колоннами коринфского ордера. К слову, встретить колонны с энтазисом и капителями, украшенными листьями аканта в небольшом городе – сродни встрече подводной лодки в высокогорном ауле. Однако, если учесть, что небольшим город – Магадан, построенный каторжным трудом несправедливо репрессированных мастеров разного уровня, то многое становится ясным.

Лавочка у палисадника рядом с первым подъездом нашего барака была одним из любимых мест встречи соседских детей. Популярностью пользовалась и рябина у нашего подъезда – одно из немногих высоких и сильных деревьев во всем районе. Под рябиной мы со Светой часто играли в куклы, а позже, с другими соседскими детьми залазили на нее по очереди и сидели строго отведенное время...

В подъезде, где также были обшарпаны стены мы собиралась большой компанией с соседскими детьми, сооружали камин из камней и фонаря и рассказывали страшные истории, преимущественно про кости, на которых построен наш город, про наркоманов за Домом Культуры, маньяков и эксгибиционистов. Летом втихаря от взрослых мы потихоньку выковыривали цемент из-под завалинки и использовали его вместо мела.

С задней стороны дома папа соорудил небольшой огород под окнами нашей кухни и маленькой комнаты. В огорожен-

ном рабицей кусочке земли, росла тощая морковь, мелкий картофель, пушистый укроп и кислый щавель, из которого мама готовила восхитительные пирожки, варенье или зеленый борщ. Там же в огороде мы сушили вещи. Зимой они вставали колом и снимать с веревок твердые предметы гардероба было мучением. Зато оттаявшее и выглаженное белье благоухало настоящей зимней свежестью! Иногда зимой папа строил и заливал во дворе маленькую горку, на которую сбегались дети района.

Вечерами, во время зимних променадов после кружка, Вероника Михайловна обращала наше со Светой внимание на сверкающий драгоценностями снег, его хруст, рассказывала о причинах тишины во время снегопада. Хлопья снега падали, медленно кружась под желтыми фонарями, превращая дорогу в пушистое одеяло. Вечерние прогулки с Вероника Михайловной казались сказочными. С тех пор снегопад ассоциируется у меня с волшебством.

Розовое пятно.

В очередной вечер после кружка мы со Светой зашли в наш класс. Вероника Михайловна была почти готова, а мы уже одеты. В дверях нашего класса стояли два шестиклассника. Они посмеивались, что тоже были такими маленькими, как мы и выражали грусть по начальной школе и Веронике Михайловне. Мы со Светой стояли напротив доски между первым и вторым рядами, когда посреди класса откуда-то появилась мышка. Маленькая как из “Тома и Джерри”! Мышка, как из сказки Маршака про глупого мышонка, что я любила, когда ходила в ясли. Грустный конец той сказки, по моей просьбе, мама не читала.

Мы со Светой захихикали и обратили внимание остальных на малютку. Но Вероника Михайловна не разделила нашего умиления... Она молниеносно запрыгнула на стул!... С сапогами! Не разувшись! Наша Вероника Михайловна, которая приучала нас к аккуратности, чистоте и являлась примером... Учительница, которая наказывала за забытую сменку, запрыгнув в уличных сапогах на стул, стала вопить.

Тогда я впервые увидела настоящий испуг взрослого человека. Мультяшный испуг, причиной которого был мышонок Джерри, с женскими ногами на стуле был смешным. А испуг Вероники Михайловны был шокирующим и обездвиживающим.

Также я впервые увидела, что взрослые умеют превращаться в детей. В тот момент я не знала про проекции и про происхождение страхов и фобий. Я не знала, что можно бояться мышей, пауков, отверстий... По моему мнению самыми страшными были врачи. И полтергейст.

Маленькая испуганная девочка стоит на стуле и кричит, а маленькая мышка замерла посреди класса. И время замерло.

Гляжу на мышку решаюсь подойти взять и спасти её от громкого вопля, но не могу пошевелиться. Мое тело меня не слушается. Я не понимаю испуга учительницы еще и потому, что я уже встречала мышку, настоящую живую полевку и она не причинила мне никакого вреда.

В одну из поездок на огород, на правах младшего члена семьи, я, как всегда, работала меньше всех, зато больше всех ела вкусные бутерброды с колбасой и сыром. Вдруг ко мне из ниоткуда прибежала полевка, похожая на хомяков, которых мы держали дома. Тогда я еще не знала, что диких и незнакомых животных трогать нельзя. Полевка оказалась у меня в руках, прошмыгнула под рукав куртки, побегала мелкими лапками между курткой и жакетом несколько кругов, что здорово меня рассмешило; вынырнула из другого рукава, пощекотав меня вдоволь и юркнула в норку даже не простившись.

Я долго искала свою полевку. На помощь ко мне пришла Залина, и мы совали мышке в норку какие-то веточки и хлеб, разложили по земле угощения – кусочки колбасы и сыра, но

мышь так и не вернулась...

И сейчас точно такая же маленькая мышка у доски. А я слышу, как колотится сердечко... Но непонятно – её или моё?! Шестиклассник с широкой улыбкой и большими новыми зубами направился к мышке.

– Убей её! Убей! – кричит ему незнакомая испуганная девочка, стоящая на стуле.

Мальчик, сделав несколько широких шагов своими большими ногами остановился возле мыши. Я ждала, что он прогонит или выкинет из класса несчастную мышь и девочка перестанет вопить... Ведь папа спасает даже паучков! Запрещает на них наступать, сам сажает их на бумагу и выкидывает в форточку или за дверь...

Улыбка не сходит с лица мальчика. Взглянув на визжащую девочку затем на нас, он наступает своим большим ботинком на мышь. Слегка придавив, убирает ногу.

– Она ещё жива! Жива! Ты её не убил!!! Убей!!! – не умирает девочка и вопит со стула.

Мальчик наступает еще раз. Всем своим весом. Он поворачивает ботинок, словно тушит сигарету, как показывал Моргунов в “Кавказской пленнице”... Я зажмурилась: “Нет это невозможно, это неправда, не по-настоящему”.

– Иришка, ты чего зажмурилась? Тоже мышей боишься? – услышала я задорный голос учительницы.

– Открывай глаза! Теперь она нас точно не сожрёт!

На полу стоит прежняя Вероника Михайловна такая же,

как и раньше красивая, немного растерянная. Испуганная девочка исчезла. У мальчика в руках веник и совок. Он также широко улыбается. На месте, где мгновение назад была мышь, осталось маленькое розовое пятно, которое мальчик растер подошвой по полу, и оно исчезло. По дороге домой я не решилась спросить учительницу, что произошло и зачем мальчик убил мышку, и почему учительница так сильно испугалась бедную мышь. Я не плакала. Но долго грустила, стала больше думать и еще меньше понимать взрослых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.